

«Исправление духовного чина»

РЕФОРМА церковного управления была одной из самых важных по своим последствиям петровских реформ. Следует отметить, что к ней царь шел давно. Поворот к новой политике в отношении церкви произошел после смерти патриарха Адриана в октябре 1700 года. Среди писем, извещавших Петра об этом, было и письмо от 25 октября известного «прибыльщика» — добровольного изобретателя разнообразных поборов и налогов с народа Алексея Курбатова. Он писал, что, по его мнению, патриаршая система управления делами церкви стала неэффективна и с избранием патриарха «достоит до времени обождать, да во всем всего сам твое самодержавие изволишь усмотреть. Ко усмотрению же над всеми и собранию домовых казны достоин, государь, избрати кого тебе, государю, от усердных. Зело, государь, ныне во всем видится слабо и неисправно. Также, государь, о чем я доносил тебе, государю, в первом моем писании, чтоб в архиерейских и монастырских имениях усмотреть и, волости переписав, отдать все в охранение, избрав кого во всяком радении тебе, государю, усердного, учинив на то росправный приказ особливый. Истинно, государь, премногая от того усмотрения собираться будет казна, которая ныне погибает в прихотях владельцев»¹.

Петр в полной мере воспользовался советами Курбатова и ему подобных: патриарха выбирать не стали, а 16 декабря 1700 года вместо него назначили так называемого «местоблюстителя» патриаршего престола митрополита Рязанского и Муромского Стефана Яворского. 24 января 1701 года был восстановлен закрытый в 70-х годах XVII века Монастырский приказ, руководитель которого боярин И. А. Мусин-Пушкин — лицо нецерковное — получил в полное распоряжение земельные и финансовые дела церкви. Тем самым ее богатства были поставлены под контроль государства и стали использоваться на нужды армии, флота и внешней политики.

С годами влияние Стефана Яворского все больше падало, и на первое место в неформальной церковной иерархии выдвинулся Феофан Прокопович, ставший в 1718 году архиепископом Псковским. Человек необычайно образованный и талантливый, Феофан был весьма беспринципным деятелем, проявляя истинный энтузиазм в любом, даже неприглядном деле, которое поручал ему царь. Глубокое знание церковной и светской истории, блестящее владение диалектикой и логикой позволяли Феофану без особого труда обосновать необходимость коренного переустройства Русской православной церкви на началах коллегиальности и полного подчинения ее светской власти. Участвуя в составлении главного документа реформы — «Духовного регламента» (1721 г.), Феофан подавал церковную реформу как богоугодное деяние богобоязненного монарха, озабоченного исключительно исполнением своего христианского долга. «Между многими, по долгу богоданными нам власти попеченьями о исправлении народа нашего и прочих подданных нам государств, посматривая и на духовный чин и видя в нем много нестроения и великую в делах его скудость, несуетный на совести нашей возымели мы страх; *да не явимся неблагодарны вышнему*, аще толикая от него получив благопоспешества во исправление как воинского, так и гражданского чина, пренебрежем *исправление и чина духовного*. И когда нелицемерный он судия, вопросит от нас ответа о толиком нам от него врученном приставлении *да не будем безответни*»².

Конечно, Петру после всего, что он сделал с Русской церковью, «исправляя духовный чин», было что порассказать в мире ином. Но истинные цели преобразований были все же другие: в системе власти самодержца, создающего бюрократическую машину для обслуживания потребностей этой власти, княжеская система управления православной церковью с элементами автономии была архаична и нежелательна. Поэтому в ходе проводившейся тогда реформы государства патриаршее управление подлежало слому.

В «Духовном регламенте» прямо говорилось о недопустимости никакой самостоятельной силы, которая могла бы оппонировать самодержавию, вести за собой «простые сердца». Преимущества коллегиального управления для составителей «Духовного регламента» очевидны, ибо «от соборного правления не опасатися отечеству

мятежей и смущения, яковые происходят от единого собственного правителя духовного. Ибо простой народ не ведает, како разнствует власть духовная от самодержавной, но великою высочайшего пастыря (патриарха.— *Е. А.*) честию и славою удивляемый, помышляет, что таковой правитель есть то второй государь, самодержцу равносильный, или и больши его, и что духовный чин есть другое и лучшее государство, и се сам собою народ тако умствовать обыкл. Что же егда еще и плевельныя властолюбивых духовных разговоры приложатся, и сухому хврастию (хворосту.— *Е. А.*) огонь подложат? Тако простые сердца мнением сим развращаются, что не так на самодержца своего, яко на верховного пастыря, в ком-либо деле смотрят. И когда услышится некая между оными распря, вси духовному паче, нежели мирскому правителю, аще и слепо и пребезумно согласуют, и за него поборствовать и бунтоватися дерзают...»³.

В цитате явно слышны отзвуки той борьбы, которая в середине XVII века разгорелась между царем Алексеем Михайловичем и патриархом Никоном, необыкновенно высоко поднявшим престиж власти патриарха. Но почему нужно было вспоминать об этом, более чем полустолетней давности, событии составителям «Духовного регламента», теоретикам церковной реформы? Думаю, потому, что патриаршая церковь в ее неизменном виде (при наличии сильной личности на патриаршем престоле) могла бы стать единственной силой, имеющей моральное право оказывать сопротивление царю-реформатору, причем при широкой поддержке недовольных петровской политикой «простых сердец».

Именно против такой угрозы и было направлено установление коллегиальной системы управления церковью, ибо «коллегиум правительское под державным монархом есть и от монарха уставлено», а также потому, что „самое имя «президент» не гордое есть, не иное бо что значит, только председателя, не может убо ниже сам о себе, ниже кто иной о нем высоко помышляти. А когда еще видит народ, что соборное сие правительство монаршим указом и сенатским приговором уставлено есть, то паче пребудет в кротости своей и весьма отложит надежду имети помощь к бунтам своим от чина духовного»⁴.

Итак, мы видим: единства народа и церкви — вот чего боялось самодержавие Петра!

С оглашения «Духовного регламента» в январе 1721

года начинается почти двухсотлетняя история синодального управления Русской православной церковью. Созданная по регламенту Духовная коллегия была вскоре переименована в «Святейший правительственный Синод», официально уравнинный в своих правах с Сенатом. Президентом стал Стефан Яворский, вице-президентами — Феодосий Яновский и Феофан Прокопович. Согласно указу от 11 мая 1722 года был назначен специальный светский (точнее — военный) чиновник, наблюдавший за делами и дисциплиной в Синоде: «В Синод выбрать из офицеров доброго человека, кто б имел смелость и мог управление синодского дела знать, и быть ему обер-прокурором и дать ему инструкцию, пременяясь к инструкции генерал-прокурора».

Инструкция требовала от обер-прокурора, ставшего фактически главой церковного ведомства, «смотреть накрепко, дабы Синод свою должность хранил и во всех делах, которые к синодскому рассмотрению и решению подлежат, истинно, ревностно и порядочно, без потери времени, по регламентам и указам отправлял... дабы Синод в своем звании праведно и нелицемерно поступал». Обер-прокурору подчинялся специально созданный штат церковных фискалов, функции которых были схожи с теми, что исполняли светские фискалы. Чтобы их не путали, духовные фискалы назывались страшноовато — инквизиторы. Над ними стояли провинциал-инквизиторы, а еще выше — протоинквизитор⁵.

В конечном счете создание Синода — государственно-го учреждения, служащим которого при необходимости могли удерживать жалованье, означало, что выше церковной власти — царь, который тем самым становился главой церкви. Ярко отражает сложившуюся ситуацию один из анекдотов Нартова: «Его императорское величество, присутствуя в собрании с архиреями, приметив некоторых усиленное желание к избранию патриарха, о чем неоднократно от духовенства предлагаемо было, вынув одною рукою из кармана к такому случаю приготовленный Духовный регламент и отдав, сказал им грозно: „Вы просите патриарха, вот вам духовный патриарх, а противомыслящим сему (выдернув другою рукою из ножен кортик и ударя оным по столу) вот вам булатный патриарх!“ (Петр тем самым повторил слова императора Юстиниана, обращенные к епископам: «Моя воля — ваш закон». — Е. А.) Потом, встав, пошел вон. После сего оставлено прошение

о избрании патриарха и учрежден Святейший Синод. С намерением Петра Великого об установлении Духовной коллегии согласны были Стефан Яворский и Феофан Новгородский, которые в сочинении Регламента его величеству помогали, из коих первого определил в Синоде председателем, а другого — вице-президентом, *сам же стал главою церкви государства своего* и некогда, рассказывая о распрях патриарха Никона с царем, родителем его Алексеем Михайловичем, говорил: „Пора обуздать не принадлежащую власть старцу (т. е. патриарху.— Е. А.), богу изволившу исправлять мне гражданство и духовенство, я им обое — государь и патриарх“»⁶.

Создание Синода и ликвидация патриаршества были наиболее ярким, но не единственным свидетельством превращения Русской православной церкви в одно из государственных учреждений, а ее служителей — в служащих этого учреждения.

Параллельно с образованием Синода проводилась реорганизация внутренней социальной структуры церкви: унификация иерархии церковных чинов, учреждение штатов церковнослужителей, чистка их рядов от нежелательных и случайных лиц.

Примечательной особенностью реформы церкви стало то, что она осуществлялась параллельно с податной реформой и составляющая основу последней подушная перепись была использована для учета и классификации церковников. Как объект переписи церковники впервые упомянуты в указе от 5 января 1720 года, когда Петр, обеспокоенный утайкой душ, предписал вносить в «сказки» «причетников церковных, кроме попов и дьяконов, которым также особливую роспись подать надлежит, и всем дайте им сроку на полгода».

Итак, хотя на этом этапе церковники не были включены в подушный оклад, но тем не менее низшие их слои — причетники — переписывались отдельно от священников и дьяконов. Смысл такого разделения стал понятен 5 июля 1721 года, когда Сенат распорядился «детей протопопских, и поповских, и диаконских и прочих церковных служителей... положить в сбор с протчими душами»⁷. Так неожиданно большая часть церковников была превращена в тяглецов.

Такое беспрецедентное решение не могло не вызвать недовольства духовенства. Синод вынужден был обратиться к Сенату с ходатайством об исключении из подуш-

ного оклада причетников, ссылаясь на то, что эти «служители суть святые церкви, а наипаче многие неимущие, которые и питаются с великою нуждою». Кроме того, Синод считал, что «положение» в подушный оклад детей попов и дьяконов приведет к кадровым трудностям, ибо дети духовенства, как правило, наследуют места родителей, что с распространением на них подушной подати сделается невозможным.

Петр учел это обстоятельство: в инструкции ревизорам от 5 февраля 1722 года было указано, что в подушную подать не класть священников, и дьяконов, и детей этих, «действительно служащих при церквях», священнослужителей, а при отсутствии у них детей — «прочих церковных служителей по две персоны к каждой церкви». Так, по мысли Петра, обеспечивался резерв для замещения вакантных мест в церквях нетяглыми людьми.

Для сословия церковнослужителей такое распоряжение правительства обернулось подлинной драмой: причетники, пономари, жившие при церквях, стоявших на помещичьих землях, оказывались в подушном окладе наряду с помещичьими крестьянами и автоматически становились крепостными, ибо закон предписывал «писать в подушной сбор на вотчинниковых землях того села, чье то село, и тому вотчиннику ими владеть»⁸.

В том же 1722 году были определены штаты церковнослужителей: на 100—150 дворов прихожан — один священник, все «излишние» подлежали включению в тягло. Части из них посчастливилось попасть на вакантные места «штатных» церковнослужителей, некоторым удалось, будучи записанными в оклад, остаться в тех приходах, где они жили, но многие оказались в окладе на помещичьих землях. Это, как и предполагалось указом, вело к закрепощению таких бывших церковников. Между включением в оклад подушной подати и признанием их крепостными была таким образом установлена прямая связь. В типичном для времени ревизии душ мужского пола указе Алаторской переписной канцелярии от 28 августа 1724 года читаем: «Приказали [А. И.] Шаховскому на недействительного церковника Тимофея Иванова дать владетельный указ, потому что по справке Алаторской провинции свидетельствованными книгами оной недействительной церковник Тимофей Иванов на пашню во крестьянство в Алаторском уезде, в селе Селганы... Шаховскому причислен»⁹.

«Положение» в оклад навсегда закрывало перед церковниками возвращение в сословие, из которого их вычеркнули. Указ от 20 мая 1724 года окончательно уравнил церковников, положенных в оклад подушной подати, с тяглыми крестьянами тем, что штраф за принятие беглого бывшего церковника был установлен в том же размере, что и штраф за беглого крестьянина.

Таким образом было произведено разделение единого сословия церковников на две части. Одна из них, состоявшая преимущественно из попов, дьяконов и других представителей верхушки причта, признавалась неподатной, то есть привилегированной, другая же часть — причетники, нештатные священники и дьяконы, а также их дети сливались с податными сословиями и теряли привилегии церковнослужителей.

Принятые властями постановления не остались на бумаге. Так, по сводным ведомостям Казанской, Нижегородской и Астраханской губерний видно, что из 8709 переписанных церковников от подати были освобождены 3044 попа и дьякона, то есть только 35% от общего числа учтенных церковников. Из включенных в оклад подушной подати 5665 церковников родственники попов и дьяконов составляли 2508 человек, или 44,3%, дьячки и их родственники — 1275 человек (или 22,5%). Наконец, в оклад были включены 1614 пономарей и их родни, что составляло 28,5% от общей массы церковников, включенных в оклад по законам Петра¹⁰.

«Наведение порядка» в «духовном чине» на этом не кончилось. В ходе реформы было ликвидировано сословие так называемых архиерейских детей боярских — особый служилый «чин» в иерархии церкви, несший личную службу при патриархе и других церковных иерархах. С завершением процесса образования дворянства как особого привилегированного сословия архиерейские дети боярские были включены в дворянство при одном, выдвинутом Петром, условии: дворянами считались лишь те, чьи деды уже служили в архиерейских детях боярских. Так отсеивались приверстанные к патриаршему двору «вольные», которые, естественно, определялись в подушное тягло наряду с прочими недворянами¹¹.

С такой же решительностью и грубостью государство взяло в свои руки и заботу о распространении христианства (православия) среди иноверцев и язычников, составлявших тогда значительную часть населения окраин

государства. Петра совершенно не устраивала длительная и кропотливая работа православных миссионеров, он возлагал надежды на решительные, быстрые и радикальные меры с помощью административного воздействия, насилия применительно к целым слоям общества, селениям, племенам и народам. Так, 3 ноября 1713 года был издан именной царский указ, которым предписывалось: «В Казанской и Азовской губерниях бессурманам махometанской веры, за которыми есть поместья и вотчины, и в тех их поместьях и вотчинах за ними крестьяня и дворовые и деловые люди православныя христианские веры, сказать свой великого государя указ, чтобы они, босурманы, *крестились конечно в полгода*, а как восприимут святое крещение и теми поместьями и вотчинами, и людьми, и крестьяны владеть по преджему, а ежели они в полгода не крестятца, и те их поместья и вотчины с людьми, и со крестьяны у них взять и отписать на него, великого государя»¹².

Чтобы поощрить иноверцев и язычников к переходу в православие, новокрещенным давалась льгота в платежах налогов, они награждались землей и крестьянами, даже освобождались от уголовных наказаний, в том числе от смертной казни за убийства и тяжкие преступления. Примером такого уникального указа, заменявшего наказание за преступление крещением, может служить сенатское постановление от 25 июня 1723 года о черемисах-язычниках, совершивших большую утайку душ при переписи: «Правительствующий Сенат по доношению бригадира Фамендина Казанского уезду Алацкой дороги Выжмаринской и Черемской волостей сотского и старост, и ясашных черемис, которые просят, чтоб *за утайку душ наказания им не чинить, а крестить бы их в православную веру* греческаго исповедания, приказали: тех сотника и старост, и черемис с женами и с детьми, 545 души крестить в православную веру греческаго исповедания и для того, как им, так ежели и впредь такие иноверцы в утайке душ явятся, а пожелают креститься, и тем наказания не чинить»¹³. Вероятно, если бы в Синоде был составлен план крещения населения, то благодаря таким решительным мерам он был бы досрочно перевыполнен.

Благодаря петровской церковной реформе мощная организация церкви стала проводником светской, точнее, самодержавной идеологии. Церковный амвон стал трибуной для пропаганды начинаний самодержавия в виде спе-

циальных проповедей «к случаю» (особым мастером их сочинения был Феофан Прокопович), а также просто для оглашения указов, которые перед началом службы зачитывались прихожанам, «чтоб никто неведением не отговаривался». С амвона провозглашалась анафема — церковное проклятие политическим преступникам и всем неугодным властям или самодержцу. Если церковное проклятие Мазепе объясняется фактом его политической измены Петру, то некий майор Степан Глебов удостоился всероссийской анафемы исключительно за сожительство с бывшей женой Петра, Евдокией Лопухиной, отправленной в монастырь.

Необыкновенный царь-реформатор мог действительно казаться многим верующим антихристом, ибо не колеблясь менял веками сложившиеся церковные традиции и догматы. Так, в 1721 году, чтобы удержать на Урале опытных горных мастеров-шведов, он разрешил лютеранам жениться на православных. В том же году во время празднования Ништадтского мира был устроен необыкновенный для православия семидневный колокольный звон. В большом количестве составлялись новые молитвы в честь побед российского оружия и других государственных событий. С петровской эпохи в церковную жизнь вошли так называемые табельные праздники, которые отмечались торжественной церковной службой, причем соблюдение табельных праздников было строго обязательно. В 1724 году среди них были следующие: 1 января — Новый год, 3 февраля — тезоименитство цесаревны Анны Петровны, 19 февраля — «воспоминание брака императорского величества», 30 мая — рождение Петра, 25 июня — коронование Петра, 27 июня — «преславная виктория под Полтавою», 29 июня — тезоименитство Петра, 29 июля — «взятие фрегатов, первое — при Ангуте, потом — при Грингаме», 5 сентября — тезоименитство Елизаветы Петровны, 28 сентября — «виктория над генералом Левенгауптом», 11 октября — взятие крепости Нотебург, 23 ноября — день Александра Невского, 24 ноября — тезоименитство Екатерины, 30 ноября — день «Святого апостола Андрея Первозванного, торжество кавалеров российских». После Петра число табельных дней нарастало, ибо к ним добавилось немало панихид по умершим членам царского семейства и т. д.

Использованием богослужения для государственных целей дело не кончалось. Важно отметить, что в петров-

ское время коренным образом изменилось отношение светской власти к вере и церкви. На веру и церковь стали смотреть как на один из инструментов воспитания верно-подданных. Как писал крупный историк церкви П. В. Верховский, «вера, которая прежде ценилась сама по себе, как путь ко спасению... теперь стала цениться как нечто полезное для государства, как воспитывающее и сдерживающее начало, очень удобное в целях достижения „общаго блага“»¹⁴. Эта мысль находит подтверждение в многочисленных заметках и указах Петра.

Петр не считал для себя, светского властителя, зазорным редактировать богословские труды, книги, проповеди, предназначенные для религиозного воспитания подданных в нужном самодержавию направлении. 13 июля 1722 года он писал Синоду: «Книгу «О блаженствах» я всю чел, которая зело изрядна и прямой путь христианской, только надлежит предисловие зделать, в котором розные наши толковани неправые, хонжеские все и выяснит, дабы читающие перво свой порок узнали и потом пользу и прямую истинную... И, сочиня сие, не печатать до возвращения нашего, також и того, что хотели, исправить в исповедях»¹⁵.

Выше уже говорилось о рационализме Петра и его веры. На церковь он смотрел в высшей степени прагматически, исключительно как на школу воспитания нравственности, и даже разрабатывал своеобразные пособия для этой школы. В одной из записных книжек Петра мы читаем: «Чтоб мужикам зделать какой маленькой регул и читать по церквям для вразумления». 19 апреля 1724 года он писал в Синод о том, каким должно быть это пособие: «Святейший Синод! Понеже разговорами я давно побуждал, а ныне письменно, дабы краткия поучения людем зделать (понеже ученых проповедников зело мало имеем), также зделать книгу, где б изьяснить, что непрменный закон божий и что советы, и что предания отеческая, и что вещи средния, и что только для чину и обряду зделано, и что непременно и что по времени и случаю переменялось, дабы знать могли, что в каковой силе иметь. О первых кажется мне, чтоб просто написать так, чтоб и поселянин знал, или надвое: поселянам простые, а в городах покрасивее для сладости слышащих, как вам удобнее покажется, в которых бы наставления, что есть прямой путь спасения истолкован был»¹⁶. Примечательным кажется и переданный И. Голиковым анекдот о том,

как Петр побил палкой иронизировавшего над священным писанием В. Н. Татищева, приговаривая при этом: «Я тебя научу, как должно почитать оное и не разрывать цепи, все в устройстве содержащей... не заводи вольнодумства, пагубного благоустройству».

Но помимо разработки материалов для воспитания прихожан-подданных большое внимание уделялось и, если можно так сказать, условиям и режиму воспитания. Хождение в церковь и совершение всех необходимых обрядов рассматривалось не как внутренний позыв верующего, а как его обязанность. 8 февраля 1716 года Сенат огласил именной указ Петра следующего содержания: «Великий государь указал: послать во все епархии к архиереям, и в губернии губернаторам указы — велеть в городах и в уездах всякаго чина мужеска и женска пола людям объявить, чтоб они *у отцов своих духовных исповедывались повсягодно*. А ежели кто в год не исповедуется, и на таких людей отцам духовным и прихотским священникам подавать в городах архиереям и духовных дел судьям, а в уездах — старостам поповским именныя росписи, а им те росписи отсылать к губернаторам, и в уездах к ландратам, а им, губернаторам и ландратам, на тех людей класть штрафы, против дохода с него втрое, а потом им ту исповедь исполнить же»¹⁷.

16 июля 1722 года последовал новый указ Синода и Сената, в котором говорилось, что «многие разночинцы и посадники, и поселяне обыкли жить праздны, и не токмо по воскресным дням, но и в великие господские праздники николи в церковь к службе божии не ходят и не исповедуются». Для пресечения этого непорядка было приказано вывесить указы, в которых предписать всем верующим: «в господские праздники, и в воскресные дни ходили в церковь божию к вечерни, к утрени, а паче к святой литургии (кроме того, разве кто заболит, или какая невозможность не допустит) и по все б годы исповедовались, и то надзирать в приходах самим священникам, и прикащикам, и старостам, где случатся, и кто будет исповедоваться и не исповедоваться — тому всему иметь книги погодно и присылать их по епархиям в духовные приказы и кто по тем книгам явится без исповеди, и с таких — править тех приходов священникам штрафы».

Хождение в церковь и исповедание, таким образом, превращались в обязанность прихожан, исполнение которой строго контролировалось и документировалось. Свя-

щенник, отказавшийся доносить на прихожан, подвергался сначала штрафу, а потом «за то извержен будет священства»¹⁸.

Но особо значительным и грубым было постановление Синода от 17 мая 1722 года, нарушавшее тайну церковной исповеди — одного из священных таинств, наряду с таинствами брака, причащения и крещения.

Согласно указу от 17 мая священник в случае, «если кто при исповеди объявит духовному отцу своему некое несделанное, но еще к делу намеренное от него воровство, наипаче же измену, или бунт на государя, или на государство, или злое умышление на честь, или здоровье государево, и на фамилию его величества, а объявляя толикое намеряемое зло, покажет себе, что не раскаивается, но ставит себе в истину, и намерения своего не отлагает... то должен духовник не токмо его за прямо исповеданные грехи прощения и разрешения не сподоблять (не есть бо исповедь правильная, аще кто не всех беззаконий своих кается), но и *донести вскоре о нем, где надлежит*, следуя состоявшемуся апреля 28 числа нынешняго 1722 года именному е. и. в. указу, каков о таких злодеях печатными листы публикован, по которому и за слова до высокой е. и. в. чести касающиеся и государству вредительныя, таковых злодеев в самой скорости имая, *в определенные места приводить повелено*».

Другими словами, для священника, принимающего исповедь прихожанина, путеводной звездой должен являться очередной закон по борьбе с врагами государства, а не нормы христианской догматики, требующие сохранения тайны исповеди.

Примечательно, что священник должен не только донести на своего прихожанина, но и пройти весь путь доносчика: ехать «в указанное место» и «тамо уже, где о таких злодействах следование бывает, все об оном злом намерении слышенное объявлять именно, без всякого прикрывательства и сомнения».

Церковники предупреждались, что, «ежели кто из священников сего не исполнит и о вышеозначенном услышав, вскоре не объявит, тот без всякого милосердия, яко противник и таковым злодеям согласник паче же государственных вредов прикрыватель, *по лишении сана и имени, лишен будет и живота*». Чтобы указ был действителен, каждый православный священник был обязан на Евангелии принести клятву, в которой обещался «о ущер-

бе же его императорского величества интереса вреда и убытке, как скоро о том уведая, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мерами отвращать, препятствовать и не допускать, тшаться буду». Каждый священник, подобно солдату или чиновнику, давал клятву быть всегда готовым к государственной службе: «Когда же к службе и пользе его императорского величества какое тайное дело, или какое б оное ни было, которое приказано мне будет тайно содержать, и то содержать в совершенной тайне и никому не объявлять, кому о том ведать не надлежит и не будет повелено объявлять»¹⁹.

Удивительная присяга! Будто она предназначена не для пастыря божьего, а для секретного сотрудника сыскаемого политического ведомства. Собственно, именно сексотом и должен был быть, согласно букве и духу петровских указов, русский православный священник.

Особая страница истории Русской православной церкви должна быть посвящена отношению Петра к монашеству. Как известно, Петр не скрывал своей ненависти и презрения к монахам. «Тунеядцы», «святоши», «ханжи» — вот неполный список, по-видимому, самых мягких определений, которые давал царь монахам.

Много причин стояло за этой безапелляционностью и грубостью православного монарха. В среде монашества он встречал наиболее серьезное сопротивление своим начинаниям, в этой среде скрывались самые упорные потенциальные и реальные враги. В октябре 1698 года он запретил певчим появляться в Новодевичьем монастыре у царевны Софьи, написав так: «А певчих в монастырь не пускать: а поют и старицы хорошо, лишь бы вера была; а не так, что в церкви поют «Спаси от бег», а на паперти деньги на убийство дают».

По той же причине в 1701 году монахам было запрещено иметь в кельях бумагу и чернила и писать что-либо, «и аще нужды ради каковыя восхощет кто писати, и то с повеления начальнаго, да пишет в трапезной явно, а не тайно, понеже убо древних отец предание бысть монаху ни что писати без повеления начальнаго»²⁰. Делалось это для того, чтобы приостановить сочинительство, а главное — распространение многочисленных рукописных сочинений, направленных против Петра и его преобразований. Приуменьшать значение таких сочинений для контр-

пропаганды не следует: их авторы — представители духовенства, монахи — были, как правило, люди образованные и талантливые, прекрасно владевшие пером. Примером может служить игумен подмосковного Андреевского монастыря Авраамий — автор знаменитого «Послания», содержащего резкую критику режима Петра.

Зная о многочисленных примерах нарушения обитателями монастырей принципов монашеского общежития, Петр видел в этом свидетельство бесполезности, вредности современного ему монашеского образа жизни.

Бесспорно, к началу XVIII века был налицо кризис монашества как общественно-религиозного явления. Кроме других, не упомянутых здесь, причин к этому кризису привела в конечном счете победа в конце XV — первой половине XVI века «иосифлянского» течения в богословии над так называемым «нестяжательским», чьи представители проповедовали идеи аскетического, отшельнического существования служителей бога, тяжкий труд и бедность. Победа концепции «иосифлян» — сторонников и последователей Иосифа Волоцкого — способствовала вступлению церкви на путь обогащения, превращению монастырей в богатейших земле-, а потом и душевладельцев, что вело к росту зависимости церкви от богатств, а через них от государства и, конечно, не могло не отразиться на нравственности обитателей монастырей.

Впрочем, не следует излишне увлекаться образом толстого обжоры-монаха, столь распространенным в пропаганде петровских и последующих времен. Люди в рясах были разные, и Петр не мог этого не знать. Может быть, истинная причина такой концентрированной ненависти Петра к монашеству состояла не столько в осужденном им образе жизни сибаритствующих монахов, сколько в неприятии царем самой идеи монашества, в отрицании идеала, к которому стремились пустынники и благодаря которому они были независимы от той власти, которую олицетворял собой могущественный, но земной владыка Петр. Нетерпимый ко всякому инакомыслию, даже пассивному сопротивлению, царь не мог допустить, что в его государстве где-то могут жить люди, проповедующие иные ценности, иной образ жизни, чем тот, который проповедовал сам Петр и который он считал лучшим для России.

Следует отметить, что он много сделал для того, чтобы внедрить свой идеал в жизнь монастырей, точнее —

чтобы поставить под контроль государства и заставить работать на себя сословие монахов.

Это началось, как можно легко догадаться, зная предшествующую историю «произведения подданного всероссийского народа», с переписи монастырей и закрепления в них монахов. Указ от 31 января 1701 года гласил: «А в которых монастырях перепищики застанут сколько где монахов и монахинь и им быть в тех монастырях неисходным, и в иные монастыри их не принимать, разве великия каковыя ради правильныя вины, да изыдет и в другой монастырь прият да будет с писанием отпускным того монастыря начальника». Одновременно из монастыря подлежали изгнанию все миряне. Чуть позже, в указе 1703 года, Петр за нарушение этого порядка пообещал «властям с братиею... быть в ссылках в дальних поморских монастырях и в заточении в крепких местах невозвратно»²¹.

Следующим шагом было ограничение содержания монахов. В указе от 30 декабря 1701 года предусматривалось: «В монастыри монахам и монахиням давать определенное число денег и хлеба в общежительство их, а вотчинами им и никакими угодьями не владеть, не ради разорения монастырей, но лучшаго ради исполнения монашеского обещания, понеже древние монахи сами себе трудолюбивыми своими руками пищу промысляли и общежительно живяше, и многих нищих от своих рук питали, нынешние же монахи не токмо нищих питае от трудов своих, но сами чуждые труды поедаша, а начальные монахи во многия роскоша впадоша»²². Поэтому Петр предписал на каждого монаха установить норму содержания — по 10 рублей и 10 четвертей хлеба в год на человека. Все остальное поступало, как бы сейчас сказали, в госбюджет через систему Монастырского приказа, который и финансировал расходы монастырей. Эти ограничения были естественным продолжением секуляризации монастырских земель, произведенной с образованием в 1701 году Монастырского приказа. И хотя впоследствии часть вотчин была возвращена монастырям, основная масса доходов с них поступала государству.

Наступление на монашество продолжалось на протяжении всего царствования Петра. 28 января 1723 года Петр через обер-прокурора передал Синоду приказ о начале новой переписи монахов и полном запрещении постригать вновь желающих. При этом было предписано ежемесячно рапортовать, «сколько из обретающегося на ли-

цо числа оных монахов и монахинь будет убывать... и на те убылые места определять отставных солдат»²³. 3 марта 1725 года исключение было сделано только для вдовых священников.

Надо полагать, мысль Петра, запретившего пострижение в монахи, клонилась к тому, чтобы из монастырей сделать богадельни для отставных солдат, число которых с каждым годом существования регулярной армии возрастало. Собственно, на путь превращения монастырей в богадельни Петр встал давно и последовательно шел по нему, считая, что служба монахов государству именно в этом и состоит. Наиболее последовательно мысли о мирских обязанностях монахов были выражены именным указом от 31 января 1724 года, данным Петром Синоду.

Указ недвусмысленно называет монахов тунеядцами: «Нынешнее житие монахов точию вид есть и понос от иных законов, немало же и зла происходит, понеже большая часть — *тунеядцы суть* и понеже корень всему злу праздность, то сколько забобонов, расколов, но и возмутителей произошло, всем ведомо есть». И далее Петр, считая, что в монастыри уходят, чтобы не исполнять обязанностей перед помещиком и государством, резко это осуждает: «У нас, почитай, все [монахи] из поселян, то что оные оставили — явно есть, не точию не отреклись, но приреклись доброму и довольному житию, ибо дома был троеданник: то есть дому своему, государству и помещику, а в монахах — все готовое, а где и сами трудятся, то токмо вольные поселяне суть, ибо только одну долю от трех против поселян работают... Что же прибыль обществу от сего? — воистину токмо старая пословица: ни богу, ни людям, понеже большая часть бегут от податей и от лености, дабы даром хлеб есть». Единственный способ исправления такого безобразного положения, когда часть подданных избегает обязанностей перед государством, по Петру — «служити прямым нищим, престарелым и младенцем».

Для этого Петр предписал установить штаты монастырей исходя из числа определенных к этим монастырям отставных солдат и «прочих прямых нищих», для которых в монастырях устраивались госпитали и богадельни. Монахов должно было быть в следующей пропорции: один монах на два — четыре отставных или нищих, «смотря которые труднее болезни — имею более служащих, а которые легче и у старых — меньше служащих, или как

за благо усмотрено будет с примеру регламента о гошпиталях, возрастом же не моложе 30 лет». Остальные же, оставшиеся «за числом служения» монахи должны были получить от монастыря землю, «дабы сами хлеб себе промышляли», и являться постоянным контингентом для пополнения естественной убыли монахов в монастырях. Монахи же, оказавшимся в таком же положении, было предписано «питаться рукоделием вместо пашни, а именно: пряжею на мануфактурные дворы». Жить в кельях монахам отныне запрещалось, место им было лишь в особых чуланах «в тех же больницах». За всеми монахами устанавливался постоянный и тщательный надзор со стороны как духовного, так и светского начальства²⁴.

По-видимому, полностью реализовать планы по перестройке монашеской жизни Петру не удалось — он вскоре умер, но сама попытка поставить монастыри и их обитателей на службу государству характерна для него: в регулярном государстве не должно было быть ни одного человека, не состоящего в каком-либо служилом чине или не приписанного к платежной общине или на худой конец к богадельне.

Интегрирование церкви в государственной системе носило многоплановый характер и касалось не только самого управления церковью, но и богослужения, вероучения. Вера, как писал историк П. В. Верховский, «сделалась средством испытания политической благонадежности и воздействия в государственных видах».

Это в полной мере относится к методам решения давней проблемы инакомыслия, раздиравшей русское общество после реформ Никона. С петровских времен борьба с раскольниками — главными противниками официальной церкви — превратилась в полицейскую акцию, регулярно осуществляемую самим государством. Для начала был установлен строгий подушный учет раскольников — как мужчин, так и женщин. Все они облагались двойной податью — правительство видело в этом важное средство борьбы с расколом. Согласно указу от 14 марта 1720 года всем раскольникам предоставлялся выбор: либо признать официальную церковь, либо платить двойной налог. И в том и в другом случае раскольники должны были явиться в специальный Приказ церковных дел и заявить о себе и своих домочадцах. «А ежели кто, ведая

Пропагандистский лубок
«Цырюльник хочет рас-
кольнику бороду стричь».

сей указ, во обращение ко святой церкви самовольно не придет или за раскол в платеже двойного оклада к записке не явится, а в том от кого изобличен будет, и тому преслушнику учинено будет жестокое гражданское наказание, и доправлен будет и *перед тем двойным окладом еще вдвое штраф*. И от том по градским воротам и по знатым местам выставить листы, а в сороки (церковный округ.— Е. А.) к старостам послать такие же указы, чтобы они у себя и у всего своего сорока, роздав списки в церквах оные указы велели читать почасту, чтоб никто неведением не отговаривался»²⁵.

Особой детализацией отличается синодский указ от 15 мая 1722 года, закрывавший раскольникам все возможные лазейки при попытке обойти законодательство о дискриминации исповедующих раскольническое вероучение. Все раскольнические рукописные книги подлежали немедленной сдаче, другой указ (от 13 октября 1724 года) предупреждал, чтоб «никто б у себя таких о расколе сумнительных и подозрительных книг и тетрадей ни тайно, ни явно, ни под каким видом держать не дерзали *под опасением жестокой казни*»²⁶.

Принадлежность к расколу рассматривалась как признак правовой и гражданской неполноценности. Раскольникам предписывалось «ни у каких дел начальни-

ками не быть, а быть токмо в подчиненных, також и в свидетельство нигде их не принимать, кроме того, что между собою, и то по случаю».

Неоднократно подтверждался изданный в начале XVIII века указ и о специальной одежде для раскольников, причем от всех «бородачей», плативших налог за ношение бороды, раскольники должны были отличаться особым знаком на одежде — козырем. В словаре Владимира Даля читаем: «Козырь... лоскут красного сукна с желтою нашивкой, который носили раскольники при Петре». Несомненно, цель этого указа состояла в том, чтобы, выделив раскольников особой метой на одежде, подвергнуть их тем самым публичному унижению и сделать предметом всеобщего надзора. Закон при этом запрещал им носить одежду красного цвета, чтобы козыри не сливались с одеждой. Указом от 6 апреля 1722 года чиновникам запрещалось принимать челобитные у раскольников «не в том платье». Поощрялось также доноительство на нарушителей этого закона: «Также кто увидит кого с бородою без такого платья, чтоб приводили к комендантам или воеводам и приказным и там оный штраф на них правили, из чего *половина в казну, а другая приводчику*, да сверх того, *его платье*». В 1724 году были введены особые сменные «годовые» медные знаки, нашиваемые на одежду. Женам же раскольников предписывалось носить «платья опашни и шапки с рогами»²⁷.

Все эти невиданные раньше по систематичности, строгости, жестокости и унизительности меры приводили к побегам раскольников в глухие места, многочисленным «гарям», самосожжениям целых общин, — единственной форме протеста раскольников против насилия над совестью и личностью.

Забываясь о «правильном» исполнении обязанностей подданными-прихожанами, «регулярное» государство Петра было против всякой самодеятельности, всякого проявления нерегламентированных и не контролируемых официальной церковью религиозных инициатив и духовных подвигов. Примечателен в этом смысле указ Синода от 16 июля 1722 года, названный составителями Полного собрания законов, где он опубликован, указом «о недействительности самовольного страдания, навлекаемого законопреступными деяниями».

Основанием для этого по меньшей мере странного указа было громкое дело последователя расколоучения Г. Талицкого — Левина, который в 1721 году в Пензе

Казнь повешением за ребро и закапыванием в землю. Гравюра начала XVIII в.

обратился к толпе с призывом сопротивляться царю-антихристу. Дело было необычайное, так как Левин шел заведомо на страдания и смерть ради идеи и, допрошенный сенаторами под пыткой «на спицах», заявил, «чтоб народ им наслушался и ныне стоит он в прежнем своем мнении и в том умереть желает и *пожелал он волею своею пострадать и умереть*».

Надо полагать, мужество пытаемого человека, избравшего себе путь муки и смерти, произвело впечатле-

ние на Сенат и вынудило власти обратиться к народу с указом, в котором осуждались «таковые, которые от невежества и безумия, или от крайней злобы своея, аки главные враги себе сами доброхотно зла желают и здравия и жития напрасно лишаются, прельщающиеся именем страдания и тем единым горькия муки и смерти себе услаждают». Это величайшая ошибка, считают составители указа, ибо «не всякое страдание, но *только страдание законно бываемое*, то есть, за известную истину, за догматы вечныя правды, за непременный закон божий, *полезно и богоугодно есть*». Места же для законного страдания в России нет, так как «такового правды ради гонения никогда в Российском, яко православном государстве, опасатися не подобает, *понеже то и быти не может*».

Иначе говоря, условий для подвига духа в России благочестивого православного царя нет, так как нет причин, которые бы вынуждали идти на муки и смерть ради идеи.

Кроме того, власти выражают вообще недоверие такой экзальтированной самодеятельности — без соответствующего высшего позыва, равносильного приказанию начальника, поступать нельзя, «паче же должны-ествуем не дерзати сами собою на толикой подвиг без собственного божия вдохновения, яко же не дерзает воин на бой без указа начальника своего». Во всем должны быть дисциплина и порядок, а выходы, подобные левинской, вредны и опасны, и такие «трекоянный человеци» добиваются, говоря современным языком, дешевой популярности, «прельщаются сим будущим славы мечтанием услаждающе себе: хвалим буду и блажмь ото всех, аще за сие простражду, напишется о мне история, пронесётся всюду похвала, не един удивляясь скажет: *о мне, великодушен муж был, царя обличал, мук лютых не убоаяся!* О, скаянни сумазброды! мало таких бешеными нарицати, есть се некое зло, равного себе имене неимущее». Такие поступки и рассматривались царем как «вольнодумства, пагубные благоустройству» и, безусловно, осуждались²⁸.

Несомненно, петровские реформы привели к решительной победе светского начала над конфессиональным, религиозным. Следует при этом заметить, что история второй половины XVII века свидетельствует: на этот путь Россия встала еще до Петра — в этом было властное проявление времени, своеобразие ситуации, возникшей

в связи с Никоном и расколом. Но петровские преобразования примечательны не только невиданными раньше темпами и масштабами перехода общества на светские рельсы, но теми последствиями, которые имело превращение православной церкви в правительственное учреждение. В иных учебниках и трудах петровская церковная реформа изображается чуть ли не как победа вождельного атеизма. На самом же деле это было не так — церковь стала прислуживать режиму самодержавия, стала покорно освящать все его начинания. Как писал в 1916 году П. В. Верховский, «современное государственное положение церкви в России, коренящееся в церковной реформе Петра, всегда обязывало и обязывает духовенство защищать и оправдывать не только наличный государственный строй независимо от его нравственных достоинств, но вытекающие из него события и явления. Так, например, духовенство защищает клятву именем божием, впервые введенную Петром и Феофаном по политическим соображениям, раньше защищала крепостное право, телесные наказания и до сих пор защищает смертную казнь. Не имея силы громко осудить самые основы современной материальной культуры, духовенство и школьное богословие оправдывает накопление богатств, отдачу денег под проценты, капитализм и т. д. и, напротив, борется против социализма, безучастно к рабочему вопросу»²⁹

Превращение церкви в контору по делам веры, подчинение всех ее ценностей нуждам самодержавия во многом означало уничтожение для народа духовной альтернативы режиму и идеям, идущим от государства и имеющим свои истоки в элитизме, государственном мышлении, в авторитарной светской власти. Церковь с ее тысячелетними традициями проповеди морали, защиты униженных и поверженных государством, церковь, которая в древности «печаловала» за казнимых, могла публично осудить тирана, стала послушным орудием власти и тем самым во многом потеряла уважение народа, как хранительница духовного начала, утратила свой высший моральный авторитет. Не случайно этот народ впоследствии так равнодушно смотрел и на гибель церкви под обломками интегрировавшего ее самодержавия, и на разрушение ее храмов. Если же говорить о вере, то она сохранялась лишь благодаря приходскому духовенству, тем простым священникам, которые всегда были со своим народом и разделили с ним его судьбу даже в тюрьмах и лагерях.